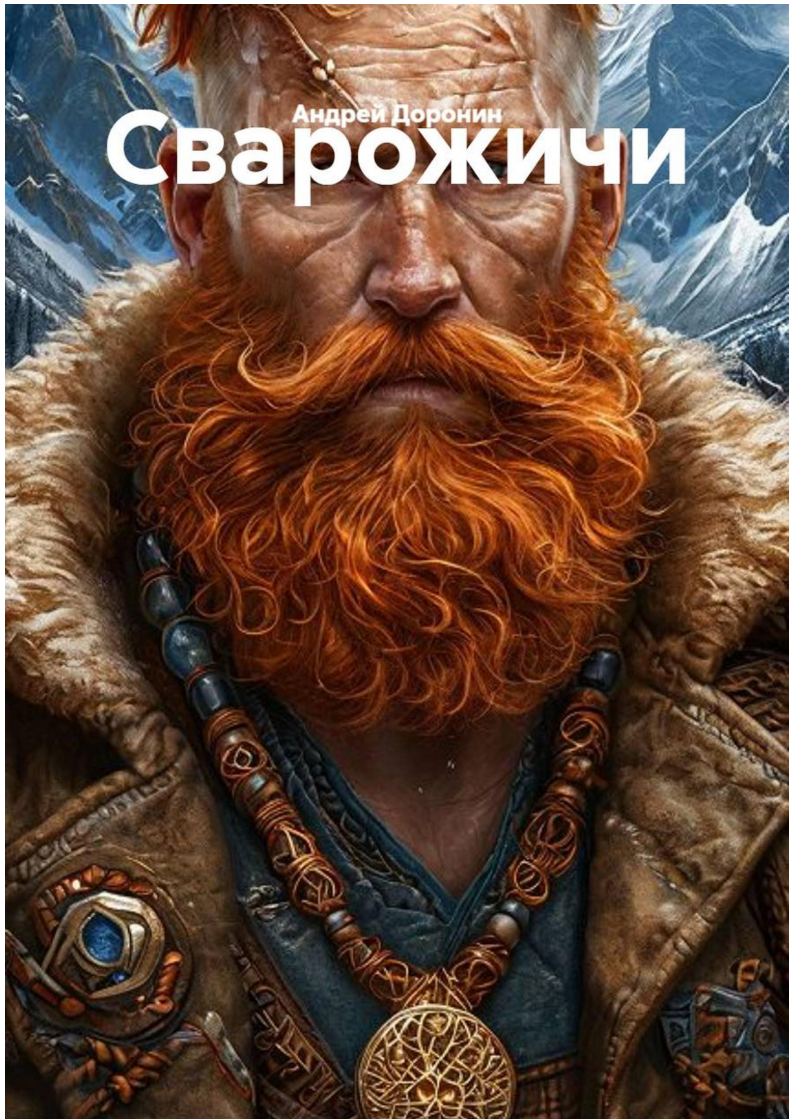

Андрей Доронин

Сварожичи

Андрей Доронин

Сварожичи

<https://litres.ru/74096544>

SelfPub; 2026

Аннотация

Главный герой Сварожич Андрей рост 183 см вес 120 кг. рыжая борода с проседью, голова темнее чем борода тоже с проседью, карие глаза. Носит амулет со звездой Лады из метеоритного материала, понявший истинный ход вещей на Мидгард Земле. Архонты программы, старые капища, базы Архонтов. Древние знания и артефакты. Алтай , Байкал, Сибирь. Верные друзья. Вселенная, Галактика. Конец времени Архонтов. Пробуждение старых фундаментальных знаний. задний фон должен быть из гор, космоса, Байкала, двоичного кода, на фоне картинки галактики одежда должна быть современной и военной

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Андрей Доронин

Сварожичи

Глава

СВАРОЖИЧИ. НАСЛЕДИЕ

Книга первая. Частота пробуждения

«Мидгард — крайний мир Света. За ним — только Тьма. Мы — последние, кто помнит».

(Из летописных сводов, глава 1)

«Вода — идеальный носитель. Она не сопротивляется. Она запоминает».

(Из дневника архонта, запись 214)

«В 1979 году на берегу озера Севан советские учёные построили Суперметеотрон. Шесть реактивных двигателей от Ту-104, разогревающих воздух до 1100 градусов. Они думали, что управляют дождём. Они не знали, что дождь управляет ими».

(Из дневника Фомы, запись 3)

Пролог

Вода падала с неба уже третий час. Но это был не просто дождь. Это был приказ.

Тысячи лет назад, когда люди Расы Великой впервые пришли на Землю, они не знали, что этот мир станет последним. Они осваивали Мидгард, строили города, учили часто-

ты, помнили Свет. А потом галактика качнулась — и Земля оказалась в Тёмном рукаве. Тьма пришла не сразу. Она просачивалась, как вода сквозь щели. И те, кто когда-то был светлым, стали её проводниками.

Архонты — не первые. Они — последние. Авангард Тьмы, который должен завершить дело. Земля — последний мир Света. И они хотят погасить его.

Но архонты не просто хотят погасить свет. Они завидуют ему. Потому что сами они — пустоты. Они не чувствуют, не любят, не страдают. Они существуют, но не живут. И эта пустота делает их жестокими. Они не могут создать ничего нового — только переписать чужое. Им нужен мир, в котором нет жизни, потому что жизнь напоминает им об их собственном бессилии.

Сергей Клыков стоял на крыльце своего дома в посёлке Листвянка и смотрел на Байкал. Озеро было серым, тяжёлым, без единой искры. Обычно в это время года вода переливалась синевой, отражала небо, играла с солнцем. Сегодня она была мёртвой.

Он сплюнул в сторону, поправил воротник куртки и шагнул под дождь. Капли ударили по лицу — холодные, но не ледяные. Слишком тёплые для конца сентября. Сергей поморщился, но не вернулся. Нужно было закрыть лодку на берегу — ветер разворачивал её, и она уже билась бортом о камни.

Он спустился к воде. Дождь усиливался — как будто кто-то поворачивал невидимый вентиль. И в этом усилении было что-то неправильное. Не ритм природы, а приказ. Сергей замер на секунду, прислушиваясь к себе. В голове — пустота. Не та, что бывает от усталости, а какая-то новая, вязкая, словно туман, который затекает внутрь черепа.

Он тряхнул головой, отогнал ощущение. Закрыв лодку, закрепил трос. Поднялся обратно к дому. Дождь хлестал по лицу, по шее, просачивался за воротник — и с каждым шагом он чувствовал, как внутри что-то тает. Как будто вода смывала не грязь, а его самого.

Он остановился на пороге.

— Сережа, — позвала жена из кухни. — Мокрый весь, заходи быстрее.

Он хотел ответить, открыл рот — и понял, что забыл её имя.

Не на секунду — навсегда.

Он знал, что это женщина. Что она ждёт его. Что она что-то говорит. Но имя... оно исчезло. Испарилось вместе с улыбкой, которую он хотел ей подарить. Он посмотрел на свои руки — они дрожали.

—Серёжа, ты чего?

Он шагнул через порог. В доме пахло ухой и хлебом. Обычный запах, тёплый, родной. Он сел за стол, взял ложку. Хотел сказать: «Нормально, устал». Вместо этого он улыбнулся. Той самой улыбкой, которая появляется на лице, когда тебя нет дома — но ты не понимаешь, почему.

— Всё хорошо, — сказал он голосом, который не принадлежал ему. Голосом, который был спокойнее, тише, удобнее.

Жена нахмурилась, но ничего не сказала. Поставила перед ним тарелку с ухой.

Он ел. Слышал звук ложки, плеск воды за окном, дыхание жены. Но внутри была тишина. Та самая, которую он никогда раньше не слышал.

Через неделю Сергей Клыков перестал выходить из дома. Смотрел на Байкал через окно. Молчал. Улыбался.

Через месяц он пропал. Ушёл ночью, когда жена спала. Следы вели к воде. Тело не нашли.

Байкал принял его. Как принимал многих.

Владимир узнал об этом через три дня после исчезновения. Ему позвонила жена Сергея — рыдала в трубку, говорила что-то несвязное про «странный дождь» и «пустые глаза». Владимир приехал в Листвянку через неделю, но следов уже не было. Только лодка, привязанная к пирсу. И тишина над озером.

Он стоял на берегу, сжимая в руках деревянную фигурку медведя — подарок Сергея, сделанный на прошлый Новый год.

— Прости, брат, — сказал он ветру и воде. — Я не успел.

Вода не ответила.

Но Владимир не сдался. Он искал Сергея ещё две недели. Обходил берег, расспрашивал рыбаков, проверял заброшенные избы. И однажды нашёл его — сидящим на камне у самой воды, с пустыми светящимися глазами. Живого, но не здесь. Тело дышало, но внутри было пусто.

Владимир не знал, что делать. Но он знал, кто может помочь. Фома. Бывший сотрудник ФСБ, старый друг, который ушёл в подполье и изучал аномалии. Если кто-то и мог понять, что случилось с Сергеем, то только он.

Владимир купил два билета в плацкартный вагон поезда Иркутск — Новосибирск. Сергея он усадил у окна, прикрыл пледом, чтобы никто не видел его пустого взгляда. Сам сидел рядом, держал друга за руку, говорил с ним, хотя знал — тот не слышит. Полтора дня стука колёс, смены пейзажей за окном, запаха угля и железной дороги. Сергей не двигался, не говорил, только смотрел в одну точку пустыми глазами. Проводница пару раз косилась на него, но Владимир объяснил: «Брат заболел, везу к врачу в Новосибирск». Она кивала, приносила чай и больше не задавала вопросов.

Когда они добрались до старой метеостанции в лесах под Новосибирском, Фома встретил их на пороге. Он посмотрел на Сергея, на его светящиеся глаза — и понял всё без слов.

— Программа, — сказал он. — Полная. Они взяли его целиком. Кто он?

— Сергей. Мой друг. Мы вместе работали на Байкале, собирали данные об аномалиях. Он вышел под дождь — и вернулся пустым.

Фома кивнул, помог занести Сергея в бункер.

— Я попробую что-нибудь сделать. Но я не обещаю.

Он спрятал Сергея в бункере. Дальше они будут искать способ вернуть его.

Владимир запомнил. И поклялся, что найдёт тех, кто это сделал. Даже если для этого придётся пройти через все миры.

Глава 1. Дождь

Баня пропахла берёзовым веником и сыростью — тем особым, тяжёлым запахом, который въедается в дерево на десятилетия. На крыльце два старых табурета.

На одном — Андрей Доронин. Он сидел, сцепив руки между коленями. Ему было сорок восемь, и возраст чувствовался не в лице — в глазах. Карие, внимательные, с той спокойной уверенностью, которая приходит только с годами и опытом.

Роста он был под метр восемьдесят три, но ширина плеч делала его ещё массивнее. Сто двадцать килограммов мышц и плотной кости — бывший троеборец, бывший боец. Даже в простой куртке чувствовалась мощь. Борода — густая, медного оттенка, с густой сединой на висках и в бороде — делала его похожим на старого варяга. Голова — коротко стрижена, тоже с серебром.

На другом табурете — Алексей. Он курил, не обращая внимания на дождь. Ему было сорок три, но выглядел он старше — седина густо тронула голову и бороду, делая его похожим на старого лесного отшельника. Серые глаза, вни-

мательные, чуть уставшие, смотрели на друга с той особенной теплотой, которая бывает только у старых товарищей. Борода — густая, с проседью, закрывающая половину лица — придавала ему суровый вид. Ростом он был чуть выше среднего — метр семьдесят восемь. Крепкий, но не массивный — восемьдесят килограммов, привычных к лесной работе.

Табак тлел во влажном воздухе лениво, нехотя.

— Ты когда-нибудь перестанешь видеть угрозу во всём?
— Алексей тушит самокрутку о край табурета. — Раньше, когда в спецбезопасности работал, я ещё понимал. А сейчас — баня, лес, дождь... Дай человеку отдохнуть.

Андрей не отвечает сразу. Смотрит, как тяжёлые капли разбиваются о бревенчатую стену.

— Я ушёл из безопасности десять лет назад. Не потому, что надоело. Потому, что понял: мы охраняем не людей. Мы охраняем тех, кто этими людьми управляет. А настоящая угроза всегда была не в террористах.

— А в ком?

Андрей поднимает лицо к небу. Молния освещает его — спокойное, твёрдое лицо.

— В тех, кто может переписать человека, даже не коснувшись его. В архонтах. Они не просто программируют. Они завидуют. Завидуют тому, что мы живём, а они — нет.

Алексей нахмурился:

— Ты думаешь, они способны завидовать?

— Дед говорил, — ответил Андрей. — Он говорил: «Архонты — пустые. Они смотрят на нас и хотят того, чего у них нет. Они не могут любить, не могут страдать, не могут умирать. Поэтому они ненавидят нас. Потому что мы — то, чем они никогда не станут».

Алексей затянулся, выпустил дым в дождь:

— Тогда они не просто враги. Они — безумцы. Безумцы, которые хотят сделать мир таким же пустым, как они сами.

Андрей кивнул:

— Поэтому мы должны остановить их. Не только ради себя. Ради того, чтобы мир остался живым.

Удар молнии — такой близкий, что на секунду мир гаснет, остаётся только белый свет, прошивший небо до земли. Андрей инстинктивно пригибается. Алексей даже не моргает. Страхивает пепел в лужицу, смотрит куда-то в темноту за баню.

— Ты видел? — Андрей кивает в сторону леса. — После молнии ливень как с цепи сорвался. Я такое помню только в детстве, в деревне. Бабушка тогда говорила — «леший бесится».

Алексей выдыхает дым. Дождь стекает по его лицу, но он не вытирается. Капли попадают в рот — он не сплёвывает, хотя вода кажется слишком тёплой для ночного ливня.

— А ты не задумывался, почему молния и дождь всегда вместе? — Алексей поворачивается к другу. — Учебники говорят: разряд ионизирует воздух, способствует конденсации. Верно. Но никто не спрашивает: зачем этим пользоваться?

Андрей смотрит на него долго, изучающе. Знает этот взгляд — так Алексей смотрит только когда говорит правду, от которой хочется спрятаться.

— Ты о чём?

Алексей лезет во внутренний карман куртки. Достает маленькую стеклянную пробирку, закрытую пробкой из пробкового дерева. Он держит её за самый край, пальцами почти не касаясь стекла, чтобы не оставить следов. Внутри — капля воды. Андрей наклоняется ближе и видит: в глубине кап-

ли мерцает слабый синий свет. Будто кто-то зажѐг крошечную лампочку внутри.

— Это вода, — говорит Алексей тихо. — Я взял её вчера, когда заезжал к Фоме на старую метеостанцию. Он уже неделю звонил, просил приехать, говорил, что нашѐл что-то важное. Когда я пришѐл, он показал мне это. Сказал: «Посмотри, Лѐша, это не вода — это код». Я не поверил, взял пробу. А потом дома, в свете лампы, увидел вот это.

— И он сказал что-то ещё, — продолжает Алексей, понизив голос. — Он сказал, что это связано с установками HAARP. Слышал о таких? В восьмидесятых американцы начали строить на Аляске. Огромные антенны, мощные излучатели. Официально — для изучения ионосферы. Но Фома говорит, что настоящие хозяева тех установок — архонты. Они передали людям технологию, чтобы те сами построили себе клетку. Теперь по всему миру стоят такие «климатические установки». И они не просто греют небо — они программируют его.

Андрей нахмурился. Он помнил эти слухи, но никогда не придавал им значения.

— Ты серьёзно?

— Фома сказал — архонты не смогли бы управлять погодой вручную на всей планете. Им нужны были исполнители. Люди. Власти. Учёные. Они дали им технологию, объяснили, как «стабилизировать климат», и те с радостью взяли. Теперь каждая молния, каждый дождь — это не природа. Это приказ. Переданный через антенны HAARP.

— Они дали людям власть над погодой, — задумчиво сказал Андрей. — И люди поверили, что это их власть. Они не знают, что это клетка. Архонты не творят — они только переписывают. Им нужно, чтобы люди думали, что они свободны. Потому что свободный человек не ищет врага. А спящий человек не видит цепи.

Алексей:

— Поэтому они создали религию. И политику. И страх. Чтобы мы не искали правду.

— Чтобы мы не искали их, — закончил Андрей.

Молния бьёт снова. На этот раз — прямо над лесом. Деревья на секунду становятся чёрными силуэтами на белом фоне. Ливень усиливается так, что крыльцо оказывается под водопадом: вода хлещет с крыши, с неба, из воздуха. Алексей не двигается. Сидит, глядя на друга сквозь завесу.

— Что она делает? — спрашивает Андрей.

— Я не знаю, — отвечает Алексей. — Но Фома знает. Он просил нас приехать. Завтра утром. Я обещал.

Андрей смотрит на пробирку, на светящуюся каплю. Внутри неё — холодный, ровный свет.

— Тогда едем. Завтра.

Глава 2. Встреча

Утро приходит серое, тяжёлое, без проблеска солнца. Дождь кончился, но небо висит низко — кажется, до него можно дотянуться рукой. Андрей и Алексей идут по лесной дороге к старой метеостанции.

Андрей носит нож. Охотничий, простой, без украшений — только на рукояти, почти стёртая временем, вырезана громовая звезда. Подарок деда. Дед говорил: «Этот нож помнит Перуна. Носи — не подведёт».

Всю дорогу они молчат. Андрей чувствует, что Алексей хочет что-то сказать, но не решается. Наконец, когда они проходят мимо старого поваленного дуба, Алексей останавливается и садится на ствол.

— Присядем на минуту, — говорит он. — У меня спина разнылась.

Андрей садится рядом. Лес гудит тишиной.

— Ты знаешь, почему я согласился ехать к Фоме? — спрашивает Алексей, глядя в землю. — Не потому что я верю в его теории. Я просто хочу понять, что происходит с миром. Моя дочь Маруся... она в последнее время стала другой. Раньше она была как огонь — спорила, смеялась, бегала. А теперь сидит у окна и смотрит на дождь. Тихая. Послушная. Я звоню ей, и она говорит: «Всё хорошо, папа». Но я знаю — это не хорошо.

Андрей кладёт руку ему на плечо:

— Мы найдём ответы. И мы её вернём.

— Ты обещаешь?

— Обещаю.

Алексей кивает, встаёт и идёт дальше.

Они знают эту дорогу. Много раз ходили к Фоме. Он — старый друг, бывший сотрудник ФСБ, который ушёл в подполье, чтобы изучать то, что официальная наука называет «аномалиями». Фома поставил свою базу в лесу, на старой метеостанции, и уже несколько лет следит за переменами. Андрей и Алексей — его связь с внешним миром.

— Фома говорил, что у него есть данные, — говорит Алексей, поправляя лямку рюкзака. — Что-то про молнии и воду. Я думал, он просто переработал. А потом увидел эту воду.

Андрей:

— Если он прав — мы должны помочь ему. Если нет — хотя бы убедиться, что с ним всё в порядке.

Лес молчит. Слишком тихо. Андрей поднимает руку.

— Птиц нет. Зверья нет. Даже комара.

Они выходят на вырубку. Посередине — метеостанция. Облупленный домик с мёртвым анемометром на крыше.

Андрей чует запах первым. Озон. И ещё что-то — сладковато-едкое, пахнущее горелой медью.

Из-за угла выходит фигура.

На первый взгляд — человек. Мужчина в длинном тёмном плаще. Плащ не шевелится. Лицо серое, как у покойника.

Но глаза — как две маленькие молнии. Они светятся изнутри ровным, нечеловеческим бело-голубым светом.

— Здравствуй, внук Перуна. Я ждал тебя.

Андрей не отвечает. Ладонь ложится на нож. Алексей уже поднимает берданку.

Архонт поднимает руку. С неба бьёт молния — в трёх метрах слева. Земля взрывается дёрном.

Андрей рванул вперёд — низко, по-волчьи. Нож вошёл под рёбра. И прошёл сквозь архонта, как сквозь туман.

— Глупый. Я не из плоти. Я из воды, которая помнит.

Алексей стреляет. Пуля проходит навывлет, выбивая фонтанчик светящейся воды.

— Больно, — говорит архонт. — Ты умеешь делать больно, лесник.

Из земли собирается плеть из воды — переливающаяся

всеми цветами. Бьёт Алексея по рукам, по ногам. Он падает, хрипит. Вода впитывается в кожу — программа заходит в тело.

Андрей срывает с шеи ладову звезду — амулет из метеорита, гладкий, холодный, с едва заметными узорами на поверхности. Символ высокой частоты, вырезанный в металле древним мастером. Шепчет три слова на языке Рода.

Звезда вспыхивает золотым.

Архонт меняется в лице:

— Это... не твоё. Кто тебе дал?

Андрей швыряет звезду. Она входит в грудь архонта — и застревает.

Архонт тает. Три секунды — и остаётся только мокрое пятно.

Андрей поднимает звезду, вытирает о траву. Подходит к Алексею, подаёт руку.

— Он знал твоё имя, — хрипит Алексей. — Он знал, что ты придёшь. Это не случайность.

— Это зависть, — сказал Андрей. — Они смотрят на нас и видят то, чего у них нет. Они не могут жить, поэтому хотят, чтобы мы тоже перестали жить. Они не могут любить, поэтому хотят, чтобы мы забыли любовь. Они — пустоты. И они боятся, что мы увидим их пустоту.

Алексей, тяжело дыша, поднялся:

— Тогда мы покажем им, что мы видим.

Андрей смотрит на домик. Дверь приоткрыта. Изнутри — слабый свет.

— Фома, — говорит он. — Он знал, что мы придём.

Они заходят внутрь. В комнате — пусто. Приборы разбиты. На столе — записка:

«Они знали, что вы придёте. Я уйду. Ищите меня у водонапорной башни. Фома».

Андрей сжимает бумагу.

— Надо спешить. Пока они не добрались до него.

Глава 3. Бункер

Два часа они бредут просёлочной дорогой. Алексей держится ровно, но Андрей видит — друг старается не делать

резких движений. Спина болит — Андрей знает это по тому, как Алексей чуть заметно переносит вес с ноги на ногу.

— Долго ещё? — спросил Алексей, не глядя на друга.

— Скоро. Башня за поворотом.

Сворачивают к старой водонапорной башне. Ржавая, заброшенная, с проржавевшей лестницей, которая ведёт в никуда. Андрей стучит: три раза, два, снова три. Железо гудит, как колокол.

Из люка высовывается голова в самодельных очках:

— Перун гром мечет, а Лада лад наводит. Кто скажет — куда?

— Не в бровь, а в глаз. Отворяй, Фома.

Люк открывается. Андрей спускается первым, помогает Алексею. Внутри — тесный бункер, заваленный приборами, банками с водой и картами.

Фома — бывший сотрудник ФСБ, ушедший в подполье. Андрей знает его через деда. Тот перед смертью сказал внуку: «Если когда-нибудь почувствуешь, что мир пошёл не так, ищи человека, который ответит на слова "Перун гром мечет". Он знает. Он ждёт».

Фома окидывает их взглядом. Он выглядит уставшим, но живым. Узнаёт Андрея.

— Ты пришёл. Я знал, что ты придёшь. Твой дед был моим командиром. Я ждал тебя.

— Что случилось, Фома? — спрашивает Андрей.

Фома садится, хватая кружку с водой:

— То, что я искал много лет. Архонты. Они программируют людей через дождь. Вода с молнией — это не физика, это код. Я нашёл доказательства. Но они нашли меня раньше, чем я успел их вынести.

Он кивает на койку в углу. Там лежит человек с пустым, светящимся взглядом.

— Это Сергей. Его привёз Владимир две недели назад. Нашёл на берегу Байкала — сидел, глядя на воду, пустой. Владимир говорит, они вместе работали, собирали данные об аномалиях. Сергей вышел под дождь — и вернулся вот таким. Не ест, не говорит. Только шепчет чужую команду.

Андрей подходит к койке. Вглядывается в лицо. Мужчина лет пятидесяти, седина, морщины. Глаза открыты, светятся бело-голубым.

— Это Сергей Клыков? — спрашивает Андрей, оборачиваясь к Фоме. — Тот самый, с Байкала? Владимир говорил о нём. Он пропал.

Фома кивает:

— Да. Владимир привёз его сюда, потому что не знал, что делать. Я думал, что смогу помочь. Но я не знаю, как его вернуть.

— Почему они не убили его? — спросил Алексей. — Зачем оставлять живым, но пустым?

— Чтобы показать нам, — ответил Фома. — Это не просто наказание. Это — предупреждение. Они говорят: «Смотрите, что мы можем сделать. Мы можем стереть вас, даже не убивая. Вы будете жить, но вас не будет». Они хотят, чтобы мы боялись. Чтобы мы не сопротивлялись. Чтобы мы сдались.

— Они не понимают, — сказал Андрей. — Страх — это тоже жизнь. Когда мы боимся — мы живы. А они не могут бояться. Они не могут чувствовать. Поэтому они завидуют нам даже в страхе.

Фома посмотрел на него долгим взглядом:

— Ты думаешь, они завидуют?

— Дед говорил, — ответил Андрей. — «Архонты — это пустые сосуды. Они смотрят на жизнь и хотят её. Но они не могут её получить. Поэтому они хотят, чтобы никто не имел того, чего нет у них». Мы должны вернуть Сергея. Не только ради него — ради того, чтобы показать им, что их программа бессильна.

Алексей подходит к койке, смотрит на Сергея:

— Он выглядит как моя дочь. После дождя. Только хуже.

Фома:

— Да. Это их программа. Когда дождь с молнией — они передают команду. Сергей получил полную дозу.

Андрей садится напротив Фомы:

— Расскажи мне всё. Про НААРР. Про Суперметеотрон. Про то, как они это делают. И про их слабости.

Фома снял очки, потёр переносицу:

— Они сильны, потому что они терпеливы. Они ждали тысячи лет. Они внедрили себя в религию, в политику, в науку. Они создали системы, которые работают на них, даже когда люди думают, что работают на себя. Церковь, государство, армия — всё это их инструменты. Они разделили людей, чтобы те не объединились. Они дали им врагов, чтобы те не искали настоящего врага.

— Но у них есть слабость, — сказал Андрей.

— Да, — кивнул Фома. — Они не могут творить. Они только переписывают. Они не могут создавать новое. Они

могут только исказить старое. Поэтому они боятся капищ — там частота чистая, там память жива. Они не могут войти туда. Их программа рассыпается.

Андрей встал:

— Тогда мы будем использовать капища. Мы соберём частоты. Мы покажем им, что жизнь сильнее пустоты.

Глава 4. Возвращение

Андрей остаётся один с Сергеем. Кладёт звезду на грудь Сергею. Метеоритный металл ледяной, как космос. Кажется, что он вбирает в себя свет.

— Ты меня слышишь?

Сергей молчит.

Андрей начинает говорить на языке Рода. Гортанном, певучем. Это не молитва — это частота, упакованная в слова.

«Вода, отпусти чужое. Верни своё».

Звезда мерцает. Сергей дёргается — впервые за три дня.

«Ты — человек. Ты — сын Лады. Вернись».

Изо рта Сергея вырывается пар — белый, холодный. Собирается в облачко, пульсирует.

Звезда вспыхивает золотым. Облачко взрывается беззвучно. Лампа гаснет на секунду.

Сергей смотрит живыми глазами. Он смотрит на Андрея, потом на свои руки, ощупывает лицо:

— Брат... пить...

Андрей подаёт воду. Сергей пьёт жадно, трясущимися руками. Вода течёт по подбородку, но он не замечает. Когда кружка пустеет, он опускает руки и смотрит на Андрея. Говорит голосом, который ещё дрожит от недавнего возвращения:

— Спасибо. Я... я пятьдесят три года прожил. Пятьдесят три. А там, в пустоте, я не знал, сколько прошло. Мне казалось — вечность.

Он делает паузу, собираясь с мыслями:

— Ольга... жена моя. Пятьдесят два ей. Мы тридцать лет вместе. Она в деревне ждёт, наверное. Я должен ей позвонить. Сказать, что я жив.

— Позвонишь. Как только окрепнешь, — отвечает Ан-

дрей.

Сергей кивает, но не открывает глаз. Он сжимает звезду, которую Андрей оставил у него на груди. И молчит.

— Я слышал их, когда был пустым, — говорит он тихо. — Они говорят через меня. Они ищут тебя. Ты им нужен. Они сказали: «найти того, кто помнит Перуна». Они боятся тебя, Андрей. Они завидуют тебе. Потому что ты — живой, а они — нет. Они хотят забрать твою жизнь, как забрали мою.

Андрей встаёт. Руки дрожат. Он прячет их в карманы.

— Значит, нашли.

Он выходит в общую комнату бункера. Фома смотрит на него вопросительно.

— Я вернул его, — говорит Андрей. — Он жив.

Фома облегчённо выдыхает.

Алексей выглядывает из коридора:

— И что дальше?

— Готовиться к войне.

Глава 5. Гость с Байкала

Вернулись в бункер к вечеру. Усталые, голодные, но не пустые. В каждом рюкзаке — пробирки с водой, заряженной на капище. Денис сразу ушёл в мастерскую — чертить схему нового громовика. Фома — к рации. Алексей лёг на нары и уснул мёртвым сном.

Андрей сидит за столом, рассматривает карту. Надежда Петровна хлопочет у печки — на плите закипает вода для отвара.

В дверях появляется фигура. Прямая, как сосна, спина, расправленные плечи. Чёрная борода с сединой, хвост на затылке. Карие глаза смотрят прямо.

Андрей встаёт:

— Володя...

Они обнимаются. Крепко, по-мужски.

— Живой, — говорит Владимир. — А я уж думал, скосили тебя.

— Пока нет.

Андрей садится напротив. Надежда Петровна ставит на стол еду: хлеб, сало, сушёную рыбу, горячую кашу. В центре — глиняный кувшин с отваром. Пар поднимается над ним, и запах трав заполняет бункер.

— Садись. С дороги — поесть, а потом поговорим.

Владимир садится на лавку, выкладывает на стол гостинец — вяленую оленину, кедровые орехи, берестяной туесок с чем-то пахучим. Надежда Петровна наливает отвар в жестяные кружки.

Алексей просыпается от запаха, садится на нары, трёт лицо:

— Что я чую? Это иван-чай? И... багульник?

Владимир кивает:

— Ты угадал. Я с собой принёс — свои сборы, байкальские. Чабрец, зверобой, багульник, родиола розовая. И иван-чай — для мягкости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.